

УДК 811.161.1

Г.С. Голованова

СПЕЦИФИКА КОНТРАСТА В НОВЕЛЛЕ В. ТОКАРЕВОЙ «ПЕРЕЛОМ»

Цель, которую ставит автор настоящей статьи, – определение функциональной значимости контраста в тексте новеллы «Перелом». Достигается она через описание изображения контраста разными языковыми способами и средствами, показ соотношения контраста с пуантом как специфичным признаком жанра новеллы, характеристика контраста как эффективного приема актуализации текстовых смыслов и выявления авторского замысла. Новизна исследования определяется привлечением нового языкового материала для углубления представления о специфике и художественной роли контраста в жанре новеллы.

Ключевые слова: контраст, языковая репрезентация, новелла, пуант, счастье, несчастье, перелом.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-969-975

Общеизвестно, что контраст рассматривается как один из приемов, заключающийся в резко выраженном противопоставлении отдельных художественных форм ради выявления их специфики и повышения их выразительности. Организация художественного пространства по принципу контраста представлена в многочисленных работах исследователей – Г.В. Андреевой [1], О.П. Мартыновой [10], В.В. Одинцовым [13], Л.П. Позняк [14], М.С. Торосян [22] и др.

Однако, несмотря на кажущуюся ясность определения контраста, в современной филологии нет полного единодушия как в типологии художественного контраста, так и его роли в разных малых прозаических жанрах. Актуальны и наблюдения над разнообразием способов и средств эффективной контрастной организации художественного пространства, тесно связанной с выявлением авторского замысла художественных произведений.

Настоящая статья представляет собой характеристику сущности языковой репрезентации и художественной роли контраста как способа организации текста произведения В. Токаревой «Перелом».

Содержанием текста новеллы является описание нескольких переломных этапов в жизни фигуристки с мировым именем: этапов личного и профессионального характера, тесно взаимосвязанных друг с другом. То и другое начиналось с безоблачного счастья. Татьяна Нечаева любила и была любима своим партнером по конькам, завоевывая с ним для Родины одну за другой медали на мировых и олимпийских соревнованиях по фигурному катанию.

Партнер предал: остался за границей с новой фигуристкой. Татьянино счастье в одночасье разрушилось. Жизненный контраст передан скупыми, но выразительными словесными средствами.

	Прошлое (+)	Настоящее (-)
Профессиональная жизнь	победы <i>«светили прямо в лицо»</i> <i>«ликующее счастье»</i> олимпийская медаль	предательство партнера
Личная жизнь	<i>«ликующее счастье»</i>	предательство любимого (он же партнер) <i>«она не выдержит...»</i> начались обмороки

Другая бы сломалась. Но только не Нечаева с ее железной волей и самодисциплиной. Превозмогая себя, Татьяна нашла нового подходящего партнера, которого пришлось немного подучить в нужном русле. И снова была олимпийская медаль. Татьяна стояла на постаменте и плакала от счастья. Партнеры душевно сроднились и поженились. Родилась дочка. Татьяна перешла на тренерскую работу. Жизнь вышла в хорошее, спокойное, надежное, как казалось, русло.

Но... но судьба снова подставила подножку, Татьяна сломала лодыжку, а муж завел любовницу. Снова контраст счастья – несчастья.

	Прошлое (+)	Настоящее (-)
Профессиональная жизнь	«летающий яцик с золотыми мозгами» Олимпийская медаль «рукоплескал весь стадион» «как сияли ее глаза, из них просто летели звезды» «плакала от счастья» успешная тренерская работа «она леди удача»	«сломила <ногу> ... плохо» «надеяться не на кого» «судьба улыбалась нагло» «Удача отвернулась» «Леди удача хренова»
Личная жизнь	С Димкой «поженились на радостях»; «родила дочь»	«Димка завел себе любовницу»; «разразился грандиозный скандал»

Далее была неудачная операция и долгое лечение, наполненное мыслями о разводе. В отчаянной борьбе за выздоровление были перепробованы все возможные варианты: лечебная физкультура на износ, голодание, даже сеансы экстрасенса по телефону. Результатов не было. Сначала Татьяна упрекала врача:

«– Вы видели, что у меня вилка разошлась?»

– Видел, – ответил врач, как будто ждал звонка.

– Я подам на вас в суд. Вы ответите.

– Я отвечу, что у нас нет медицинского оборудования. Знаете, где мы заказываем болты-стяжки? На заводе. После такой операции у вас был бы остеомиелит.

– Что это? – хмуро спросила Татьяна.

– Инфекция. Гной. Сустав бы спаялся, и привет. А так вы хотя бы ходите.

– А почему нет болтов? – не поняла Татьяна.

– Ничего нет. Экономика рухнула. А медицина – часть экономики. Все взаимосвязано...»

И Татьяна сделала свойственный ей рациональный логический вывод: надо смириться, иначе можно сойти с ума, а она нужна дочери. Четкие бескомпромиссные формулировки под стать характеру героини: «Судьба победила, но Татьяне плевать на судьбу. Она устала от бесплодной борьбы, и, если бунтовать дальше – сойдешь с ума. Взбесишься. И тоже без толку. Будешь хромая и сумасшедшая».

Но вдруг замаячил новый поворот событий, и это «НО» уже не несло типичного для противительного союза негатива. Это было скорее возмездительное «ЗАТО». Неожиданно засветила надежда. Еще не очень веря в успех, Татьяна попадает в Израиль, где медицина XXI века (текст писался в 80-е годы прошлого столетия. – Г.Г.). Там ногу в нужном месте сломали, кости соединили как надо, поддержали несколько дней в больнице (каждый день стоил дорого) и отпустили домой. На аэровокзале перед отлетом Татьяна задает мужу дежурно-вежливый вопрос: «Что тебе привезти?»

«– Себя, – серьезно ответил Димка, – Большие ничего. Не бойся. Димка обнял ее, прижал к груди. Он думал, что она боится операции».

«Татьяна заплакала, и вместе со слезами из нее вытекла обида и ненависть. Душа становилась легче».

«Как мучительно ненавидеть, и какое счастье прощать». Эта сцена основана на скрытом контраст-приеме ожидаемого и реального. Муж, недавно кажущийся только отрицательным персонажем, раскрывается с другой своей стороны: как понимающий и сочувствующий близкий человек со своими слабостями и достоинствами. В неординарных условиях проявляется его подлинная душевная сущность: родственность, забота, теплота, понимание, поддержка. С этими ощущениями Татьяна и отправляется справляться с трудностями внешнего характера: бороться за ногу.

Возвращение домой было триумфальным. Третий контраст поменял местами счастье-несчастье. Теперь несчастье сменяется счастьем.

	Прошлое (-)	Настоящее (+)
Профессиональная жизнь	Неудачная операция Бесполезное лечение «Судьба победила»	В Израиле ногу «сломили, сложили как надо» Она «возвращалась как будто с самых главных своих соревнований»
Личная жизнь	«отвратительно было пребывать во лжи»; «Ей казалось, что она провалилась в выгребную яму»	«какое счастье прощать»

Сюжетная схема поначалу создает инерцию усиления двух нарастающих однородных по своей плачевности событий, ведет их к своему пределу – катастрофам в личной и профессиональной жизни, крушению карьеры главной героини. Пуант (успешная операция) как резкий перелом повествования, как неожиданная развязка размыкает этот порочный круг трагедий Татьяны Нечаевой, позволяя ей увидеть семейную ситуацию в новом свете и получить счастливый медицинский исход, который спасает будущую профессиональную жизнь спортивного тренера, т.е. любимую работу как смысл жизни и материальный источник существования семьи. Финал и основной пафос новеллы связаны с этими поворотными ключевыми моментами, с двумя победами героини: личной и профессиональной.

Языковое описание контрастов драматических событий жизни великой фигуристки лишено повышенной экспрессивности. Основная тональность достаточно нейтральная. Более того, авторский стиль в целом производит впечатление отстранённости от их оценок. На самом деле этого не может быть. Любой текст пропитан авторской модальностью. По выражению М. Веллера, текст – автопортрет писателя. Дело лишь в том, как представлена оценочная сторона событий: прямо, эксплицитно, напористо, эмоционально или фактологически спокойно, завуалированно, а авторское отношение имплицитно, скрыто в подтексте. Язык писательницы удивительно прост, и эта простота – высшая проба художественного таланта В. Токаревой. Скупыми словами, небольшими по объёму предложениями с ясным и ёмким смыслом выписаны ключевые сцены, насыщенные внутренним драматизмом.

«– Сломала... Плохо. Надеяться не на кого, – думает Татьяна после своего неудачного падения». Несобственно-прямая речь – один из излюбленных приемов автора.

Или:

«– А что делать? – растерялась Татьяна.

– Ничего не делать, – просто сказал врач. У каждого человека что-то болит. У одних печень, у других мочевого пузыря, а у вас нога».

В таком же ключе разговор с соседкой из больничной палаты:

«– Что же делать?»

– А что ты можешь делать? Ничего не можешь, – спокойно и беззлобно сказала старуха.

– Ну что ж... Так даже лучше <...> На все воля Божья».

Такое нейтрализованное («могло бы быть и хуже»), даже суховатое изложение, как нам думается, впечатляет сильнее, чем обилие «жалостливых» слов.

Контрасты перепадов судьбы выражены в основном совокупностью разноуровневых средств с противоположным значением. И хотя языковые средства авторской речи в целом лишены чрезмерной эмоциональности, интенсивности и других речевых эффектов, углублению контрастных ситуаций в тексте всё же способствует ряд пусть нечастых, зато очень уместных и выразительных стилистических приёмов художника слова. Это индивидуально-авторские метафоры с их скрытыми сравнениями («победы светили прямо в лицо», «судьба улыбалась нагло», «летающий ящик с золотыми мозгами», «удача отвернулась») и эпитеты, тоже подчас метафорического характера («затравленное лицо», «ликующие счастье»).

Что касается антонимов, как бы традиционно «полагающихся» при использовании приёма контраста, то они тоже реализованы автором, но нечасто и своеобразно. «Она рабочая лошадь. А Димка наездник. Сел на шею и едет. <...> Она пашет борозду. А Димка едет и покусывает травинку». Противопоставленность прежде всего выражена противительным союзом «а». «Рабочая лошадь» и «наездник», с их дальнейшим уточнением, вступают в отношения контекстуальной оппозиции, читаясь как «она работает, а он бездельничает». Таким образом, создаются яркие индивидуальные образы супругов. Два коротких рядом стоящих предложения «Как мучительно ненавидеть. И какое счастье прощать» построены как двойная антитеза. И неважно разное частеречное обозначение контекстуально противопоставляющихся состояний (мучительно и счастье), важна их суть. Наконец, на антонимических смыслах построена и энантиoseмия глагола «сломать», правда, в разных его грамматических формах. Словосочетание «сломала ногу» означает трагедию невозможности ходить и работать, а в микроконтексте предложения «Ногу сломали и сложили как надо» «сломали» значит успешно прооперировали, починили, вылечили, дали возможность ходить и работать, жить полноценной жизнью. «Сломала ~ сломали», по-другому говоря, есть оппозиция «горе ~ счастье». «Авторский сплав языковых проявлений, мера, характер их переплетений, оригинальность, уместность, эффективность – те зёрна творчества, которые постепенно, по нарастающей готовят читателя к воплощению и интерпретации замысла писателя» [2. С. 50].

Интересен оригинальный авторский приём изменения смысла за счёт прибавления одного-единственного слова: «*леди удача*» ~ «*леди удачи хренова*». Определение мгновенно меняет смысл на противоположный, добавляя к отрицательной экспрессии нотку юмора. Во всяком случае, сразу становится виден характер главной героини, которая не хнычет, а самоиронизирует, не стесняясь просторечия. Кстати, о просторечиях. Они тоже присутствуют в тексте, но в меру и не в речи автора, и даже не в речи действующих лиц, а в их внутренней речи, несобственно-прямой, мысленной. Эти редкие просторечия иногда грубоваты, но уместны, поскольку тоже участвуют в создании контраста и живого образа, а не его положительной схемы, и они адекватны ситуациям. Когда Татьяна увидела своего первого (любимого! – Г.Г.) партнера с другой женщиной, «*ей показалось, что весь этот год они не вылезали из кровати: глаза с поволокой, ходят как во сне, его рука постоянно на ее жопе. Танцуют кое-как. Казалось, думают только об одном: хорошо бы трахнуть прямо на льду, не ждать, когда все кончится*».

Всё понятно: Татьяна отчаянно ревнует, мучается, переживает измену, чувствует себя униженной и по-женски обездоленной. Вкрапление вульгаризмов – маркер душевного волнения, знак бури чувств. Но всё это внутренние переживания. На люди не будет вынесено ничего, гордость и интеллигентность не позволят. И в этом тоже виден некий контраст как побочный приём, характеризующий героиню. В характеристике Димки тоже заложены свои противоположные начала: он изменяет, но семейному очагу верен, дочь любит, заботится, жене сочувствует, помогает по дому, относится с уважением.

Контраст супругов Татьяны и Димки хоть и не основной, но играет немаловажную роль. Это разные типажи, в частности, ведущий и ведомый. Контрастны и представления двух мужчин в сознании Татьяны Нечаевой: мужа и собрата по несчастью в больнице Михаила Картошко. Этот контраст не белого-черного, не стопроцентный по схеме «да-нет», а периферийный по сути, неполный по выражению (по аналогии с неполными языковыми антонимами). Мужчины просто разные, и Татьяне предстоит нелегкий выбор одного из двоих. Этот выбор характеризует не столько события, сколько героиню. Личная жизнь будет колебаться на весах Татьянинного решения.

Миша Картошко – надежный, умный, интеллигентный, любящий, несчастный без Татьяны, заботливый, инициатор поездки в Израиль, другими словами, спаситель. На момент пребывания в больнице кажется, что весы перетягивают в его сторону. В принципе, союз с ним мог быть выходом из семейного разлада с мужем. Димка же способен на физическую измену на стороне, не блещет интеллектом, не опора в материальном смысле, но он родной человек – муж, отец общего ребенка, способный, как оказалось, поддержать в трудный момент морально и физически, приняв на себя заботу о семейном быте и дочке. «*Татьяна посмотрела на мужа: он, конечно, козел. Но это ЕЕ козел. Она так много в него вложила. Он помог ей перетанцевать Мишу Полянского, и они продолжают вместе кружить с ним по жизни, как по ледяному полю*».

Судьба Татьяны оказывается в зависимости от нелегкого выбора. Финал формально открыт. «*Это, конечно, важно: кто будет рядом – тот или этот. Но еще важнее то, что она сама есть у себя*». Но если судить по контексту всего творчества Токаревой, путь Татьяны ведет к восстановлению семейных ценностей. А Миша, скорее всего, останется в благодарной памяти Татьяны как лучик радости в тяжкий период жизни и человек, восстановивший ее уверенность в своих женских силах.

Образ Татьяны динамичен. Возможно, семейная жизнь теперь будет другого качества. Решая свою личную жизнь, она сможет стать хозяйкой положения, быть житейски мудрее, объективнее, перестать чувствовать себя зависимой от мужчин. Перепады (те же контрасты) жизни могли научить прощению, освобождению от роли жертвы, когда мужчины решали за нее, может быть, осознать свою пассивность и часть вины за семью с Димкой. Эта динамика образа героини – одна из функций контраста, назовем ее результативной в плане решения судьбы и закалки характера.

Подведем итоги.

1. В основе построения текста с многозначным названием «Перелом» (ноги и судьбы) лежит художественный контраст, разный по содержанию и художественной значимости. Основной из них – ступенчатый, трехкратно меняющий повороты жизни героини. Последний из них – непредсказуемый как для Татьяны Нечаевой, так и для читателя, служащий неожиданной развязкой описываемых событий, в другой терминологии – пуант. Пуант – награда, пуант-победа, где счастье побеждает несчастье.

Ведущая структурно-смысловая роль контраста связана не только с названным основным способом организации текстового пространства, но и с побочными тоже значимыми контрастными линиями характеристики героев и/или ситуаций. Побочные контраст-приемы усиливают основной кон-

траст-принцип. Все контрасты выстраиваются во взаимозависимую цепочку, создавая полифонию, весьма значимую в житейском и нравственно-философском аспектах литературного произведения.

2. Языковая репрезентация как форма выражения контрастных этапов жизни героини при всем внутреннем накале страстей в основном отличается эмоциональной сдержанностью и лаконизмом.

3. На наш взгляд, динамизм действия, развитие характера главной героини с их неожиданной концовкой (пуантом) и строгость авторского художественного письма позволяет считать «Перелом» В. Токаревой новеллой. Что касается немаленького объема художественного текста, по мнению некоторых филологов, противоречащего жанру новеллы, то он не представляется нам существенным дифференциальным жанровым признаком, отличающим новеллу от рассказа. Если даже предположить, что «Перелом» в жанровом смысле произведение хотя бы отчасти синкретичное, то по эпичности охвата жизни Нечаевой оно больше похоже не на рассказ, а на роман в миниатюре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 185 с.
2. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. Языковая репрезентация темы любви в рассказах И.А. Бунина // Мова. 2017. № 28. С. 46–53.
3. Зелепукин Р.О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.
4. Калашникова Н.М. Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. 26 с.
5. Киреева Ю.Н. Трансформация прецедентных высказываний как стилевая доминанта прозы В. Токаревой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 125–128.
6. Киреева Ю.Н. Образ любви как объект вербальной репрезентации в прозе В. Токаревой // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2015. № 10 (163). С. 140–145.
7. Киреева Ю. Н., Плотникова Л. И. Специфика словотворчества Виктории Токаревой // Русистика. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-slovotvorchestva-viktorii-tokarevoy> (дата обращения: 26.04.2019).
8. Краснова Е.А. Союз «ЕСЛИ» как маркер любви в рассказах В. Токаревой // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 27–29.
9. Кудрявцева М.И. Контекстное употребление образных средств как способ конструирования подтекста в прозе В. Токаревой // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2010. № 2. С. 231–242.
10. Мартынова О.П. Контраст как семантико-функциональная основа художественного текста (на примере текста англоязычного короткого рассказа): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2006. 175 с.
11. Миронова М.В. Силевая доминанта рассказов В. Токаревой // Вестник ТГУ. Вып. 6 (62). 2008. С. 106–110.
12. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
13. Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 262 с.
14. Позняк Л.П. Тексторганизирующая роль контраста и аналогии в произведениях англоязычных авторов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2002. 187 с.
15. Русинова Л.В. Концепт «любовь» в современной женской прозе (на материале текстов В. Токаревой, Л. Улицкой и Н. Горлановой): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 30 с.
16. Саркисян Л.А. Конфликт в рассказах В. Токаревой // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 55. С. 143–156.
17. Сердобинцева Е.А. Быт и бытие в женской прозе Виктории Токаревой в аспекте гендерных исследований // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 20. С. 33–36.
18. Стрельцова Е.А. Языковая личность мужчины в текстах В. Токаревой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 5. С. 72–75.
19. Стрельцова Е.А. Языковые особенности художественных текстов В. Токаревой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3. С. 137–140.
20. Тертычная Н.Н. Психологизм прозы В. Токаревой (о некоторых аспектах проблемы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 161–165.
21. Тертычная Н.Н. Человек и время в прозе В. Токаревой // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Літературознавство. 2013. Вип. 2(1). С. 130–137.
22. Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале языка послевоенной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 30 с.
23. Туранина Н.А., Гулик Е.В. Репрезентанты концепта Счастье в прозе Виктории Токаревой // Известия ВГПУ. Проблемы русистики. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/50/75-78.pdf> (дата обращения: 26.04.2019).

24. Фатеева Н.А. Языковые особенности современной женской прозы. Подступы к теме // Русский язык сегодня: сб. статей. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 573–585.
25. Холможенко О.М. Гендерные доминанты и их языковая репрезентация в «женской прозе»: на материале произведений В. Токаревой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Дону, 2013. 24 с.
26. Щурова И.В. Автологические и металогиические приемы в прозе Виктории Токаревой // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21. С. 170–175.

Поступила в редакцию 14.11.2019

Голованова Галина Сергеевна
 ГБОУ СОШ №2 п.г.т. Усть-Кинельский с углубленным изучением отдельных предметов
 г.о. Кинель Самарской области
 446442, Россия, Самарская обл., п.г.т. Усть-Кинельский, ул. Спортивная, д. 9
 E-mail: galinagolovanova89@mail.ru

G.S. Golovanova

SPECIFICITY OF CONTRAST IN VICTORIA TOKAREVA'S NOVEL "FRACTURE"

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-6-969-975

The purpose of the article is to analyze the functional significance of contrast in the text of the novel "Fracture". The tasks are to describe the image of contrast in different language ways and means, to show the relationship between contrast and *pointe* as a specific feature of the novel genre, to characterize contrast as an effective method of actualizing textual meanings and identifying the author's intention. The novelty of the study is determined by the involvement of a new language material to deepen the idea of the specificity and artistic role of contrast in the genre of short stories.

Keywords: contrast, language representation, short story, *pointe*, happiness, misfortune, fracture.

REFERENCES

1. *Andreeva G.V.* Jazykovoe vyrazhenie kontrasta i ego stilisticheskie funkicii v hudozhestvennoj proze (na materiale anglijskogo jazyka) [The linguistic expression of contrast and its stylistic functions in fiction (based on English)]. Leningrad, 1984, 185 p. (In Russian).
2. *Bakalova Z.N., Krasnova E.A.* Jazykovaja reprezentacija temy ljubvi v rasskazah I.A. Bunina [Linguistic representation of love in tales by I.A. Bunin]. *Mova [Language]*, 2017, no. 28, pp. 46–53 (In Russian).
3. *Zelepukin R.O.* Parcelljacija v hudozhestvennoj proze V. Tokarevoj: struktura, semantika, tekstoobrazujushhie funkicii [Parcellation in fiction by V. Tokareva: structure, semantics, text-forming functions]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Moscow, 2007, 26 p. (In Russian).
4. *Kalashnikova N.M.* Aforistichnost' kak cherta idiostilja V. Tokarevoj [Aphorism as a feature of the idiostyle of V. Tokareva]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Moscow, 2004. 26 p. (In Russian).
5. *Kireeva Yu.N.* Transformacija precedentnyh vyskazyvanij kak stilevaja dominanta prozy V. Tokarevoj [Transformation of case statements as the stylistic dominant of prose V. Tokareva]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]*. Tambov, Gramota Publ., 2016, no. 1 (55), Part 1, pp. 125–128 (In Russian).
6. *Kireeva Yu.N.* Obraz ljubvi kak ob#ekt verbal'noj reprezentacii v proze V. Tokarevoj [The image of love as an object of verbal representation in prose by V. Tokareva]. *Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]*. 2015, no.10 (163), pp. 140–145 (In Russian).
7. *Kireeva Yu.N., Plotnikova L.I.* Specifika slovtvorchestva Viktorii Tokarevoj [Specificity of the word creation of Victoria Tokareva]. *Rusistika [Russian Studies]*, 2017, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-slovtvorchestva-viktorii-tokarevoj> (In Russian).
8. *Krasnova E.A.* Sojuz «ESLI» kak marker ljubvi v rasskazah V. Tokarevoj [Russian subordinate conjunction "если" as a love marker in short stories by V. Tokareva]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*, 2015, no. 4 (13), pp. 27–29 (In Russian).
9. *Kudryavtseva M.I.* Kontekstnoe upotreblenie obraznyh sredstv kak sposob konstruirovaniya podteksta v proze V. Tokarevoj [Contextual use of imaginative means as a way of constructing subtext in V. Tokareva's prose]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University]*, 2010, no. 2. pp. 231–242 (In Russian).

10. Martynova O.P. Kontrast kak semantiko-funkcional'naja osnova hudozhestvennogo teksta (na primere teksta anglojazychnogo korotkogo rasskaza) [Contrast as a semantic-functional basis of a literary text (using the example of an English short story)]. Moscow, 2006, 175 p. (In Russian).
11. Mironova M.V. Stilevaja dominanta rasskazov V. Tokarevoj [The stylistic dominant of the stories of V. Tokareva]. Vestnik TGU [Tomsk State University Journal], issue 6 (62), 2008, pp. 106-110 (In Russian).
12. Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta. Uchebnoe posobie [Philological analysis of the text / Textbook allowance for students]. Moscow, Akademija Publ., 2003, 256 p. (In Russian).
13. Odintsov V.V. Stilistika teksta [Stylistics of the text]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 262 p. (In Russian).
14. Poznyak L.P. Tekstoorganizujushhaja rol' kontrasta i analogii v proizvedenijah anglojazychnyh avtorov [The text-organizing role of contrast and analogy in the works of English-speaking authors]. Irkutsk, 2002, 187 p. (In Russian).
15. Rusinova L.V. Koncept «ljubov'» v sovremennoj zhenskoj proze (na materiale tekstov V. Tokarevoj, L. Ulickoj i N. Gorlanovoj) [The concept of "love" in modern women's prose (based on texts by V. Tokareva, L. Ulitskaya and N. Gorlanova)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Moscow, 2012, 30 p. (In Russian).
16. Sargsyan L.A. Konflikt v rasskazah V. Tokarevoj [Conflict in the stories of V. Tokareva]. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii [In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies]. 2015, no. 55, pp. 143–156 (In Russian).
17. Serdobintseva E.A. Byt i bytie v zhenskoj proze Viktorii Tokarevoj v aspekte gendernyh issledovanij [Genesis and being in female prose by Victoria Tokareva in the aspect of gender studies]. Sborniki konferencij NIC Sociosfera [Conference proceedings SIC Sociosfera]. 2011, no.20, pp. 33–36 (In Russian).
18. Streltsova E.A. Jazykovaja lichnost' muzhchiny v tekstah V. Tokarevoj [The linguistic personality of a man in the texts of V. Tokareva]. Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of the Cherepovets State University], 2015, no. 5, pp. 72–75 (In Russian).
19. Streltsova E.A. Jazykovye osobennosti hudozhestvennyh tekstov V. Tokarevoj, L. Petrushevskoj, L. Ulickoj [Language features of literary texts by V. Tokareva, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya]. Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of the Cherepovets State University]. 2014, no. 3, pp. 137–140. (In Russian).
20. Tertychnaya N.N. Psihologizm prozy V. Tokarevoj (o nekotoryh aspektah problemy) [Psychologism of prose by V. Tokareva (on some aspects of the problem)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2013, no. 9 (27): in 2 hours, part I., pp. 161–165 (In Russian).
21. Tertychnaya N.N. Chelovek i vremja v proze V. Tokarevoj [Man and time in prose V. Tokareva]. Nauchnye zapiski Har'kovskogo nacional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. G. S. Skovorody. Literaturovedenie [Science notes of the Kharkiv National Pedagogical University im. G. S. Skovorody. Literary studies]. 2013, issue 2 (1), pp. 130–137 (In Russian).
22. Torosyan M.S. Fenomen kontrasta v aspekte konceptual'noj organizacii hudozhestvennogo teksta: na materiale jazyka poslevoennoj prozy [The phenomenon of contrast in the aspect of the conceptual organization of a literary text: on the material of the language of post-war prose]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Stavropol, 2005, 30 p. (In Russian).
23. Turanina N.A., Gulik E.V. Rerezentanty koncepta Schast'e v proze Viktorii Tokarevoj [Representatives of the concept Happiness in Victoria Tokareva's prose]. Izvestija VGPU, Problemy rusistiki [Izvestiya VGPU, Problems of Russian Studies]. Available at: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/50/75-78.pdf>. (In Russian).
24. Fateeva N.A. Jazykovye osobennosti sovremennoj zhenskoj prozy. Podstupy k teme [Linguistic features of modern female prose. Approaches to the topic]. Russkij jazyk segodnja: sbornik statej [Russian today: collected papers]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik Publ., 2000, pp. 573–585 (In Russian).
25. Kholomeenko O.M. Gendernye dominanty i ih jazykovaja reprezentacija v “zhenskoj proze”: na materiale proizvedenij V. Tokarevoj [Gender dominants and their linguistic representation in “female prose”: based on the works of V. Tokareva]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Rostov on Don, 2013, 24 p. (In Russian).
26. Schurova I.V. Avtologicheskie i metalogicheskie priemy v proze Viktorii Tokarevoj [Autological and metalogical techniques in Victoria Tokareva's prose]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of the Chelyabinsk State University]. 2010, no. 21, pp. 170–175 (In Russian).

Received 14.11.2019

Golovanova G.S.

School №2 Ust-Kinel with in-depth study of individual subjects of the Kinel urban district of the Samara Region
9, Sportivnaja st., Ust-Kinelsky, Samara region, Russia, 446442

E-mail: galinagolovanova89@mail.ru